Евгений Сухарев. Октябренок. Стихи и циклы – *Харьков: ТО Эксклюзив, 2020, – 126 с.*

Харьковчанин Евгений Сухарев живёт в немецком Эрфурте с 2007 года. В новую свою книгу поэт включил стихи, созданные в последние 15 лет. Преимущественно они писались в Харькове и Эрфурте. Две линии судьбы, сливающиеся в единый поток жизни. Сухарев умеет строить свою стихотворную речь в такой манере, которую можно назвать неким «поэтическим импрессионизмом». Бросишь первый взгляд на стихотворение, схватишь общую картину, но, приблизившись к ней, разглядишь более сложные и тонкие детали:

Кровь августа в ладонь мою струится,
По оперенью птичьему скользя,
И мокрым комом падает, как птица
Тяжёлая: ей легкой быть нельзя.
Живёт она, всё больше холодея,
Всё медленней, всё ближе к сентябрю.
Какая всё же странная затея –
Земному доверять календарю.
Какая всё же странная причуда –
Скользить, струиться, время коротать…
Живи себе, ты жив еще покуда,
И Бог с тобой, и Божья благодать.

Каждый человек, живущий за пределами своей малой или большой родины, по-своему переживает и осмысляет свою судьбу. У кого-то возникают новые приобретения. Кто-то испытывает приступы ностальгии. Приступы эти тоже разнятся. Одни печалятся, другие –

иронически посмеиваются над собой. В стихотворении «Птица» поэт выразил свои ощущения так:

<...> добралась долетела в новогодней ночи из такого предела что поди различи её клекот и щебет в самой гуще дождя он и вяжет и лепит никого не щадя временами редея всё виясь и виясь только «что я» и «где я» только лепка и вязь шелестящее птичье от небес до земли в забытьи в безразличье хоть часок подремли <...>

А в другом стихотворении тема звучит несколько иначе, но скрыть переживание не удаётся. Сухарев находит точные слова, передающие состояние человека:

Вздумал отчаяться… да не свезло.
Вот оно, рядом, привычное зло,
Жизни прививка простая.
Глянул – действительным стало число,
Мнимым себя не считая.
Вздумал утешиться… видно, никак.
Чья-то приманка, нечаянный знак
Душу саднит, не жалея.
Вот уж, действительно, дело – табак.
Кто этой ночью и где я?
Вздумал оставить как есть… ерунда.
Больше не будет уже никогда
Рядом добра или чуда.
Сон протекает сквозь ночь, как вода,
Вспять, никуда ниоткуда.

Пожалуй, это ключевая тема поэзии Евгения Сухарева, проходящая красной нитью сквозь всю его книгу. По крайней мере, стихотворения близкие по духу у автора прописаны резче и выразительней:

Два беженца при въезде в город Э.
В сознании истлевшем или стёртом
Вдруг понимают, что они – нигде
И чувствуют себя последним сортом.
Ни слова, ни полслова, ни аза.
Какой-то местный – видно, с похмелюги –
Глядит на этот сорт во все глаза
И думает, наверно: вот же суки...
Цыганщина, баулы, кутерьма
Впадают в сон и тянутся обратно.
Невиданные небо и дома
Струят тепло, как солнечные пятна.
И жизнь, хотя и с чистого листа,
Не горестнее той, что прожита.

Важнее тот очевидный факт, что у Сухарева есть сложившийся характер и поэтический жест. Это позволяет ему точно выбирать слова не единственного смысла и значения, передавая переживаемую поэтом внутреннюю борьбу с самим собой:

война окончена а мира нет как нет и всякий раз к полуночи примерно я в полусон впадаю в полубред открытый мне как чёрная каверна и в том же полусне-полубреду я различаю жгучую звезду похожую на каплю кровяную на капельку слюнную изо рта горячую дурную смоляную а мне казалось хворь пережита война прошла дорогою хворобной дышать легко и родина живёт ещё один последний поворот настанет свет неспешный и недробный такое счастье к утру моему пускай не счастье но покой и воля черным-черно в моем ночном дому и жжет звезда оттоле и дотоле

Метафоры усиливают впечатление от его поэтических строк, воздействуя на читательское восприятие:

Угловатое сходство взрослений,
Общий снимок, альбом выпускной,
Отпечаток упорства и лени,
Всё, что было со мной, не со мной.
Нас упрямая щелочь проявит
И потом кислота затемнит.
Этот выжил, не выжил, а я вот
Перегруженной памятью сыт.
И когда на седом юбилее
Перекличек, старений, потерь
«Ты ли это?» – мне бросят, трезвея,
Я отвечу: «А кто я теперь?»

Думается, что стержневая сила творческого характера автора, найдёт ответы на поставленные вопросы. Лирический характер его поэзии грустноват, тем не менее, Евгений Сухарев даже в этой грусти выглядит внутренне собранным и уверенным в себе, что бы там ни происходило:

Самому, быть может, оправдаться
Или же забывших оправдать…
За окном привычная прохладца,
Сумерек сырая благодать.
Вот он смотрит, будто из колодца,
На сторонней жизни торжество.
Большего ему не остается.
Кроме эха – больше ничего.

Но эхо от его поэтического слова достигает нашего слуха.